

не менее видны, что там, где тоскующая среда ребенка — его семья — была кривой и хорошей, там ребенок вырастал морально стойким и действительным. Новая поколенная среда невосстановлена и распухшими дадут и выводу стойких и двисособных. Всякий организм до конца вырабатывает в себя противоядие, — считают ли их достижением инфиляции? Рокосная болельщица может выпить качество даже и не выдержавшего ее организма; мы их приписываем организму, а не болельщице.

Итак среди последствий революции в бедней чувств и переживаний, вызванных ею прямо и косвенно, есть среди богатого стоика, разумеется и кованый булат, среди пустыни — и оазис добра. Среди этих последствий — имются ли завоевания?

А. С. Изгоев, говоря о чувстве гражданского равенства. Сам же он несколько ограничивает это завоевание, говоря об уродливой и болеленной форм, в которой оно сказывается. Быть может, он признает правильность по крайней мере для весьма многих случаев отброшен еще эпитет гражданского, признает только общее чувство равенства — ибо именно гражданственность, гражданского равенства больше всего не раждает. Наоборот, он насаждает обратное: неравенство, угнетение знами верхов, бланной средины, пролетариату буржуазии, — ограничение в избирательных правах, ограничение в правах на павк, на еду, на элементарное выживание; неравенство в администрации и на суд, неравенство столь глубокого (много до разстала за одно буржуазное происхождение и освобождение от карз за прикосновение пролетарского), — что о гражданском равенстве, как завоевании революции приходится говорить с оговорением. Да и в общем смутном чувстве не столько равенства, сколько (исторического) уравнения — вчера ты, а сегодня я — трудно ли найти прежде всего элементы зависти, алчности, обеснования своего достоинства в унижении чужого, в унижении и развечивании. Общим образом, кажется, можно говорить о подрытых чувства уважения, чести, чести. Оно и раньше, может быть, было не сильно; пусть отношение в «барам» опиралось на вехные стимулы страха, принуждения, авности. Но здесь оно сугубо оказалось подорванным. И не мало явлений кохнства и хулиганства объясняется этим фактом: равенство обернулось не возростанием самоуважения, а упадком уважения к другим.

Тем же менее именно здесь я готов признать и «завоевание», только я бы его несколько иначе истолковал: это не столько чувство равенства, сколько сознание власти, привилегированности. Это сознание на самом деле было было в значительной степени мнимым, как мнимой

была «рабоче-крестьянская» власть при диктаторе Р. К. П. Но все же оно было, и надо думать оказалось частью того воспитательного воздействия, которое вообще оказывает власть и привилегия, причакая к сознанию собственной силы, независимости. На это была направлена революция и в этом ее завоевание. Тем же менее и здесь сам большевизм нанес не мало ударов этим зарождающимся чувствам своим всеобщим третиравнием и угнетением. Из массового оно стало преимущественно групповым, почти партийным.

В особенности же тяжелое испытание приготовило этим чувствам общее поражение рабоче-крестьянской власти. Пережитая отчужденность и испытанный обиды не могли сохранить уважения к рабоче-крестьянской власти, а следовательно и в своему действительному или мнимому господству. Возмущены францыр: не думаю, чтобы в мещностях постраданных от голода, или у рабочих на заводах, закрытых и полуразрушившихся в управление заводского комитета, сохранилось много доверия к рабоче-крестьянскому хозяйничанию. В своей власти и даже в своих собственных способностях управиться. Рабочие, озлобленные возвращением старых инженеровет или директоров, едва ли сохранили высокое представление о собственных распорядительских способностях, и крестьяне прошедшие своего голода и лиодобство, и выжившие благодаря американской помощи, чувствуют себя, думаю, скорее униженными, тем возвышенными в своем достоинстве и в сознании равенства. Кому не приходилось наблюдать психологию, прямо противоположную отмененной А. С. Изгоевым — сознание «обиды» именно, когда командует «своей брат», в частности малограмотный и в особенности когда командует безтолком. Здесь надвигательству — а отчасти завистливому злорадству — нет предела, и не останавливаясь перед рвкой характеристикой, от которой либеральный интеллигент несомненно воздержался бы именно из либерализма (напр.: коли хам, так и не дбай и т. п.).

Я не хочу этими замечаниями всецело отвергнуть соображений А. С. Изгоева в этой области; я только хочу установить чрезвычайную сложность, путанность и неокончателность картины даже и подобного рода «завоеваний».

Стоит ли прибавить, что смуту возможно и следует обвинять только в ея членности. Частью в великом упадке — ея последствия предвещены, частью они еще пластичны, незавершены, в некоторой, пусть малой, степени и от нас зависят, — зависать и от того, как мы отыскаем совершившееся и совершающееся, как видим, как разграничиваем последствия от завоеваний.

Григорий Ландау.

Печать.

Коммунисты собираются оделать новый весьма ршительный шаг по пути отрешения от прежитков коммунизма. «Экономическая Жизнь» печатает проект декрета о потребительской кооперации, которому она посвящает весьма торжественно написанную передовую статью. Как известно, не смотря на провозглашение новой экономической политики, два года назад

сохранилась обязательная приписка граждан к одному из потребительских обществ. Теперь эта обязательность отменяется, заменяясь добровольным членством. Не надлежит, что это добровольное членство является панацеей от всех зол развдающей кооперации, «Экономическая Жизнь» указывает, что добровольное членство является тем необходимым условием, без которого нам не вызвать ни активности кооператоров, ни самодательности законов.

Газета подает поэтому, что одного уничтожения указанного «перешитка» далеко недостаточно и что поэтому декрет о добровольности членства является первым шагом в деле осуществления тех идей, той цбкой отступом хозяйственной политики, которую смблой рукой набросал Владимир Ильич.

Очевидно так постепенно подкпайются и подь вышторг Красна, который от сь таким упорством пытается отстоять. Агитация подыята в Праг прслужниками большевиков против оказываемой чехословацким правительством помощи русской эмиграции, несомненно начата по призыву из Москвы. «Известия» посвящают этому вопросу километрическую статью, в которой они занимают по отношению к Чехословакии угрожающую позицию, и заявляют, что та мнимая филантропическая поддержка, которую оказывают бльшаврские эмиграции фактически есть не что иное, как продолжение вмешательства в наши внутренние

дела, как определенное покровительство врагам советской республики. Официальный орган советской власти довольно недумосмысленно намекает на то, что

Ильи, быть неудобной позции, тем сильнее между двух ступней, в чем чехословацкое правительство не замедлит раньше или позже убь диться.

Если бы у самих большевиков была хоть капля чувства собственного достоинства, то, оно более дипломатически прелсьдовало бы свою цбль — нанести новый удар эмиграции. Ибо ни одно уважающее себя правительство не может отступить перед такими грубыми угрозами. Вь Москве началось слушание очередное дбло о взаимоотношв и расшеии. Хотя это дбло и очередное, но сами коммунисты уже омушены.

Голыми руками втинули спекулянт бывших руководителей Гума вь свою беду: Любопытно, что больше всего «Правда» поражена тем обстоятельством, что ваточники бради слишком мало. Наблюдалось

полное несоответствие между тем годами, которые правление Гума извлекло из своих преступлений для себя и тем большим ущербом, который оно принесло государству. Правление Гума, по словам «Правды», почти безкорыстно исполняя обязанности прикащиков и спекулянтов. Газета приходит к заключению, и сожалеть о том, что в глав правления стояли малоопытные люди:

Если бы во глав Гума стояли своеобразные, но более опытные люди, они не прератились бы вь такой хозяйственный бедлам, каким он оказался вь результате полной безпомощности и растерянности своих руководителей.

Значит бда только в том, что воры оказались недостаточно опытными и не соразмерили своих выгод сь причиняемьм государству ущербом.

Амнистия.

26 ноября президиум ВЦИК рассмотрел ходатайство о помиловании бывшего начальника Главн морск техн хозяйств управл. М. Ф. Измайлова, жены его О. В. Гелевановой, сотрудников Главн морск технического хозяйственного управления, членов правления Морского кааператива: П. П. Русакова и Э. О. Лапина и подрядчиков — Ф. К. Алешина, С. П. Попова, А. К. Генкина и Г. Гутмана, осужденных за дачу, получение взяток и других преступлений вь высшей мере наказания —

разстрелу (об этом деле уже сообщалось в «Рул»). Президиум ВЦИК постановил приять кь вемь осужденным амнистию

Болель Луначарского.

Как видно из сообщения (напечатанного петомом) «Известия», от 5 дек., всгда вь Ленинском и Троицком болель захватили и Луначарского. Какая это болель — «Известия» снова умалчивают. Не странно ли, что все руководители большевика подвержены болельням, а которых громко не говорят. За кем следующая очередь?

Наблюдения англичанина вь России.

II.

Петроград.

Между Варшавой и Москвой ходят международные поезда три раза вь неделю. Вь поезде, вь котором яехал, были лишь один спальный вагон и вь нем не смотря на выставку было всего се подожники пассажиров. Не так вь пути изь Москвы вь Петроград. Вь проезде изь Москвы вь Петроград вь течение одной ночи. Вь поезде три спальных вагона, и все они переполнены советскими служащими. Это не только самый удобный поезд вь России, но и самый быстрый. Вь течение немногих часов он переносит вас вь другой мир. Читатели моей первой статьи, могут быть, думали, что я обрисовал Москву вь слишком мрачных красках, но по сравнению сь Петербургом Москва может показаться обжитой землей. Только вь Петроград можно полностью наблюдать катастрофические последствия большевистского переворота.

Петроград является ныне столицей так называемой Северной области. Самодержавие Романовых здесь замьено суровой диктатурой товарища Зиновьева-Анфельбаума, одного изь наиболее влиятельных и способных большевистских лидеров. Петроград, бывший прежде твердой тиранией, вь 1917 году сбился колыбелью русской свободы. Вь ровных мартовских днях восстание двух полков ршило участь царя. Соображения чьства и историческая благодарность, могли бы побудить советское правительство оставить Петробург столицей России. Но большевистское правительство, как бы обилие кь нему ни предъявлялось, во всяком случае свободно от подозрения вь том, что оно поддается движению чьства. Настоятельная политическая и стратегиче-

ский притяны требования перенесения столиц вь Москву. Прежде всего было необходимо обезопасить за собой владчество надь городом, вь котором власть большевиков была сомнительной и шаткой. Москва была родиной славянофилов. Она часто проявляла национальную и реакционную симпатию. Затем Петроград занимал слишком охранное и малозачиншенное положение. Наоборот, Москва благодаря своему центральному положению казалась неуязвимой. Она является сильной опорной базой для наступательных операций, как это было доказано во время наполеоновского похода. Вь то же время она очень пригодна и для обороны. Это было подтверждено во время недавней войны сь Угройной и поляками.

Перенесение резиденции вь Москву означало смертный приговор Петербургу, ибо Петроград является совершенно искусственным, городом. Построенный на болот, периодически затопляемьм Невой, он был обязан своим существованием исключительно воле Петра Великого. Он могь продолжати это существование вь качестве города роскоши и удовольствия, вь качестве центра двора и общества, бюрократии и армии. После войны вь тяжелом, положении оказались и многие другие европейские города, подобно Триесту, Риги и Вьне. Но их пропдательство еще вернется сь ними. Наоборот Петербург, потеряв политическое значение столицы, уже не может, никогда восстановит свой блеск. Он не может ни возродиться, ни преобразоваться. Он не может приспособиться кь новым условиям. Придет еще немного времени и туристы будут ездить осматривать развалины Петербурга подобно тому, как намь предки осматривали развалины средневекового Рима. После шести леть большевистского владчества Петербург представляет собой умирающий город.

Гибель Петрограда будет гибелью одного изь чудеснейших городов мира. Петроград еще вь большей степени мож-

но назвать городом дворцов, темь Москва. Она поражает вьобачь своими гранитными набережными, своими обширными парками и своими сокровищами искусства. Его циклопическая сооружения созданы деспотической волей, располагавшей трудом бесчисленных подневольных работников. Достаточно упомянуть о Зимнем дворце, самом обширном изь всех существующих вь Европе. После пожара вь 1837 г. он был снова отстроен вь течение года, причем были потрачены огромные суммы денег и погибли тысячи людей. Вь Царской России человеческая жизнь цньмлась не высоко. Столь же мало она цньмится и при советском режиме.

Тогда, как население Москвы сильно возросло, население Петербурга гешер лишь немного превышает треть довоенного его населения. За исключением главной артерии улицы города опустыл. Между камнями пробивается трава. Магазины и рестораны закрыты. Порт замерз. Ощй видь города печален. Прежние дворцы аристократов разрушаются, частью потому, что они подобно венецианским и амстердамским зданиям были построены на сваях, вьтающих сь течением времени, частью же потому, что крыши их провалились и оконная рама вынута на топольно. Парки запущены. Дачи, вь которых шла веселая жизнь, теперь представляют собой лишь развалины. Заводы вь предместьях города разбдены судьбой дворцов. Домамь, вь которых живут рабочие, — пришло так же плохо, как и аристократическим дворцам. Еще более печально вьтались Петроград проиводит ночью. Большинство улиц окутано мраком. Общжение знакомого, живущего на окраинь, представляется прямо подвигом. Вамь приходится разыскивать путь вь темноте и так же как мостовья давно не исправляют, то вь дождливую погоду вамь приходится идти по

лужамь. Если вы заблудитесь, то некому показат вамь путь.

До войны Петроград пользовался репутацией нездорового города. Можно было бы подумать, что вь своем состоянии запустения, оно стало еще более губительным и что смертность вь городе сильно возросла. После революции действительно процент смертности вь Петроград был ужасен. Сотни тысяч людей умерли оть заразных болель и голода. Вь настоящее время Петербург, как мге рассказывал один изь дипломатов, совершенно свободен оть эпидемий. Причина заключается вь том, что слабые люди перемещены и только сильные уцблены. Возможно, что все население стало иммунитетным оть заразы.

Точно так же, как и вь Москве, увеления и спектакли вь театрах продолжают по прежнему. Петербург гордится своей репутацией центра искусства. Вь этом отношении он соперничает сь советской столицей. Много споров вызывает вопрос, какая опера лучше, петроградская или московская. Москва считаеть больше первоклассных свть, а Петроград имвет лучшей балет. Я не беруе ршать, кто правь. Но во всяком случае Петроград очень близко подошел кь большевистскому идеалу предоставления развлечений пролетариату. Дважды вь неделю вь двух главных театрах публика на спектакли совсем не допускается. Эти спектакли предназначены исключительно для рабочих коммунистов. Вь продолжении недели, которую я провел вь Петроград, вь театрах ставились следующие пьесы: «Цезарь и Клеопатра» Бернарда Шоу, «Идеальный супруг» Оскара Уальда и «Мещанин вь дворянств» Мольера. Я удивлялся тому, что большевики сочли нужным возобновить самый плоский изь фарсов Мольера. Причина, повидимому, заключалась вь том, что «Мещанин вь дворянств» показан большевикамь карикатурой на буржуа. Доступ вь театр бьт